

**Итак, зигзаги...
НАБОЛЕВШИЕ**

— Саша, есть такие актеры, которых в лицо узнают все, а вот по фамилии...
— Да, по фамилии меня узнают редко. Фамилия у меня не актерская. Моя сестра всегда так считала и, когда я решил поступать в институт, заявила: "Бесполезно, даже не суйся. Если у тебя какие-то способности и есть, ты не можешь быть актером — у тебя фамилия не актерская". Я ответил: "Спорим, лет через десять мою фамилию будут знать?" Это был 68-й год.
— И что же было дальше?
— В 76-м на Всесоюзном кинофестивале я получил приз за лучшую мужскую роль за "Весенний призыв".
— Стало быть, вы стали актером на спор?
— Нет, ни в коем случае. Я им собирался быть с детства.
— А еще несколько лет спустя "Москва слезам не верит" с вашим участием взяла первый в истории нашего кино "Оскар"...
— Это вообще смешная история. Когда Меньшов получил приглашение на церемонию, на это никто никак не отреагировал. И кто получал приз — до сих пор неизвестно. У нас тогда показали вручение по телевизору — просто чья-то рука в кадре.
— То есть Меньшова даже не отпустили туда?

защитное. Он явно огорчен предыдущим вопросом.

...ЛЮБОВНЫЕ

— У Гончарова в труппе вы долго работаете?
— Вместе с учебой уже двадцать семь лет.
— Завидное постоянство — столько лет у одного мастера. Разнообразия не хочется?
— Ну, во-первых, он мой учитель. Я его понимаю, знаю, чего он хочет, чего от меня ждет. Мне с ним нетрудно. И потом, я же работал со многими другими режиссерами. Я уж не говорю про кино...
— А со своей женой вы работаете вместе на сцене? (Жена, Лена Мольченко, — актриса того же театра. — К. П.)

ждали. Тогда мой брат лежал в больнице, мы с Леной встретились — это был третий или четвертый день нашего общения. И я сказал: поехали, брата навестим. Никаких мыслей не было. Пришли к нему. И вдруг я говорю: "Виталь, познакомься. Это Лена, моя невеста". Не знаю, почему я так сказал, вроде как пошутил. И она ему: "Лена". Будто мы все это уже обговорили. Сели в машину. Приехали на Калининский к ювелирному магазину. Я взял золотое колечко и говорю: "Ну вот, будем считать, что помолвка состоялась". И надел ей на палец. Потом поехали в загс и подали заявление. Вот так: случайно сказал — моя невеста, так она ею и стала.
— Судя по всему, вы однолюбо?
— Как однажды Жена Симонова сказала: "Сашка, ты — моногам". Я тогда впервые услышал это слово.

Я оторвал у часов заднюю стенку и набил их туда. Идет спектакль. Игорь делает вид, что часы тяжелые — раз, два. Дергает — никак. По сторонам головой водит, ничего понять не может. Прибили их, что ли? Потом напрягся, поднял, стенка отлетела, грузки — на пол. Светлана Немолова ползает вместе с Игорем, их собирает. Он говорит: какие оригинальные часы! А она ему — а какие детали! За кулисами — хохот, а зритель думает, что так и надо. Прибегает замдиректора: кто это сделал? "Саша, — говорит, — вы же с премьеры играете эту роль, откуда грузки?" Я ему: "Вот с премьеры и лежат". — "А разве вы не играете то, что часы тяжелые?" А я: "А попробуйте это сыграть!"

...И ФАТАЛЬНЫЕ

— А вас когда-нибудь так разыгрывали? Ведь самое сложное — не расколосить...
— Нет, со мной обошлось. Был еще спектакль "Соловьиная ночь" с Леной Трушкиной и Сашей Мартыновым. Они каждый раз клялись — фиг ты меня расколосишь. Закусив губу стояли. Но все равно заканчивалось тем, что спиной к залу поворачивались. Причем текст всегда оставался прежним. Например, на мне фуражка. А на лбу написано короткое, всем знакомое слово — под козырьком не видно. Я говорю грозно: "В глаза мне смотри!!! В глаза!" Рукой провожу по лбу между делом и — фуражку наверх. Он смотрит и видит надпись. И все. Ты руку опускаешь, и козырек обратно, вниз...

...И ФАТАЛЬНЫЕ

— Вы давно начали носить усы?
— Я их и сбрасывал-то всего пару раз. Для "Осени" и на "Россию молодую". У меня там много разных усов было — каждый день новые клеили.
— Говорят, что эти съемки чуть не окончились для вас трагедией...
— Там не оборвалась веревка, когда я вешался. Я еще пошутил перед съемкой — что, если не оборвется? На моих глазах ее легко-легко разорвали. Начинаем снимать, я накидываю петлю на шею и лихо со ступенек спрыгиваю. И повисаю. Слава Богу, веревка неправильно завязана была. Я руку успел просунуть. Меня потом домой везли на машине, а у меня такой характерный след на шее. Там не только это было. Когда Крыкова били розгами, мне фанерку на спину клали. А люди, которые бьют, — они ж из массовки. Пока репетировали — нормально, а камеру включили, они стали бить так, что розги взмахлест пошли. О-о, что со мной было! На второй дубль уже другие были — эти разлетелись, испугались ко мне подходить.
У меня была еще одна "производственная травма" с гораздо более серьезными последствиями...

— Что за травма и что за последствия?
— Ты, например, знаешь, что в фильме "Служебный роман" я играл одну из больших ролей? Нет? И никто не знает. А Эльдар Александрович тогда вытащил меня со съемок из Чернигова и сказал, что хочет, чтоб я играл у него в этой картине. Специально для меня была написана роль — муж секретарши Верочки, Лии Ахеджаковой. Мы сняли достаточно много материала, но потом на спектакле мне прокололи глаз.

— Неужели шпагой?
— Нет, мы поднимали Мукосяна, ныне покойного, на кресле. Он держал в руке скипетр и случайно попал мне в глаз. Меня отвезли в больницу, сделали операцию. Короче, я не мог сниматься. Меня долго ждали, а потом Эльдар Александрович — большое ему за это спасибо — сам приехал в театр и сказал: "Саша, мы больше не можем ждать". Я ответил: "Эльдар Александрович, пожалуйста, если роль рухнет, то вырежьте целиком. Чтoб не было кое-как". Он ответил: "Есть две сцены с тобой — когда Алиса Фрейндлих приходит красивая и когда похороны Бубликова — их я не могу вырезать". Вот эти два крупных плана и остались в фильме.

— А что по роли делал муж Верочки?
— Помнишь, она по телефону говорит с ним о ребенке: мол, прям сейчас я не могу. Это все было сыграно и снято. Он приезжал за ней на мотоцикле, были сцены, как в газовой плите он держал карбюратор. Конфликт шел на этом уровне — он любил ее и мотоцикл. Но мотоцикл больше.

— Вы ведь еще и стихи пишете. Можете что-нибудь прочесть?

— Пожалуйста.
Меня не годы мучают, я их не ощущаю. Я знаю, что не так живу.
А надо как — не знаю.
Все время не туда, все время не попад.
Хочу идти вперед, а сам иду назад.
Родился я для жизни — живу, чтоб умереть.
Мне нагадали золото, а я копаю медь.

— Почему так грустно?
— А у меня нет веселых. Жизнь веселая, поэтому стихи грустные. Как говорит Гончаров: чего смотреть, если нет конфликта? Он любит, она любит. Закрывайте занавес.

Я чувствую, эти строчки — нечто по-настоящему интимное. Молчу. А он продолжает сам.

— Кстати, ты говорила про Гурина — меня даже обидел этот вопрос и расстроил. Когда я ушел из театра, сам подал заявление, буквально через несколько дней занесся слух, что Фатюшина выгнали. А меня никто не выгонял — я сам ушел. Пара срывов — и потом, что бы ни произошло, найдутся люди, которые будут пускать слух. В принципе сам виноват — дал повод. Но это же несправедливо!

— Сейчас вы в театр вернулись?
— Да, я в штате. Куда я уйду? Театр Маяковского — это мой дом. Я люблю его. Люблю актеров, здесь работающих. Я прошел через многое, прежде чем прийти к какому-то равновесию. Было много ошибок.

— Что в своей жизни вы считаете ошибкой?
— Ничего.

— Только что ведь сказали...
— Я просто не жалую о них. Иногда даже необходимо совершить ошибку, чтоб потом не было следущей, более серьезной. Знаете, что ответила Анна Маньяни, когда ее спросили, почему она не делает ни пластических операций, ни подтяжек? Она показала на свои морщины и сказала: "Это все выстрадано!"

Потом я сижу в зале и наблюдаю, как Александр Фатюшин играет Большова в спектакле "Банкрот" по Островскому. Играет здорово, и спектакль замечательный. Смотрю и думаю — почему этот человек, который сейчас блистательно работает на сцене, так бесхитростно расстроился из-за какой-то идиотской фразы. Чего ему обижаться, он же в порядке?

Наверное, дорого к этому самому "в порядке" каждый прокладывает через собственное сердце. Продираясь и оставляя шрамы. И нет таких пластических операций, которые могли бы их разгладить.

Катя ПРЯНИК.

С ПЯТЛЕЙ НА ШЕЕ

Александр Фатюшин:
Если актер выпил, он пьяного уже не сыграет

Театр Маяковского на гастролях в Польше. После спектакля "Наполеон I" — прием с шампанским. Посол России учтиво обращается к маршалу Бертье: "Маршал, генерал хочет поговорить с вами". Маршал нехотя подходит к генералу, тот оборачивается... Мгновенная оценка... Дальше идет обычная светская беседа. Тем генералом был сам президент Польши Войцех Ярузельский, а маршалом Бертье — актер Александр Фатюшин.
Другие гастрели. Российская провинция, гастроль. Фатюшин с группой товарищей заходит в местный магазинчик. У кассирши за спиной обнаруживают портрет Костолевского с обложки "Советского экрана" (дело происходит сразу после "Звезды пленительного счастья"). Уже предвкушая восторг пылкой поклонницы, спрашивают лукаво: "А кто это у вас?" Она, не поднимая глаз: "Да хрен его знает! Симпатичный..."
Гримаски и гримасы судьбы — то взлет, то посадка. Каждый актер знает, что это такое. Знает, какие непредсказуемые зигзаги выписывает порою жизнь. Сегодня тебя принимают президенты, завтра хмурая кассирша опустит мимоходом на грешную землю.
У моего собеседника есть любимая работа. Роли. У него изумительная жена. Он не обижен жизнью и не обижен на жизнь. Почему бы и не поболтать с ним об этих самых зигзагах? Я так и сделала. А он — обиделся. Как ребенок.

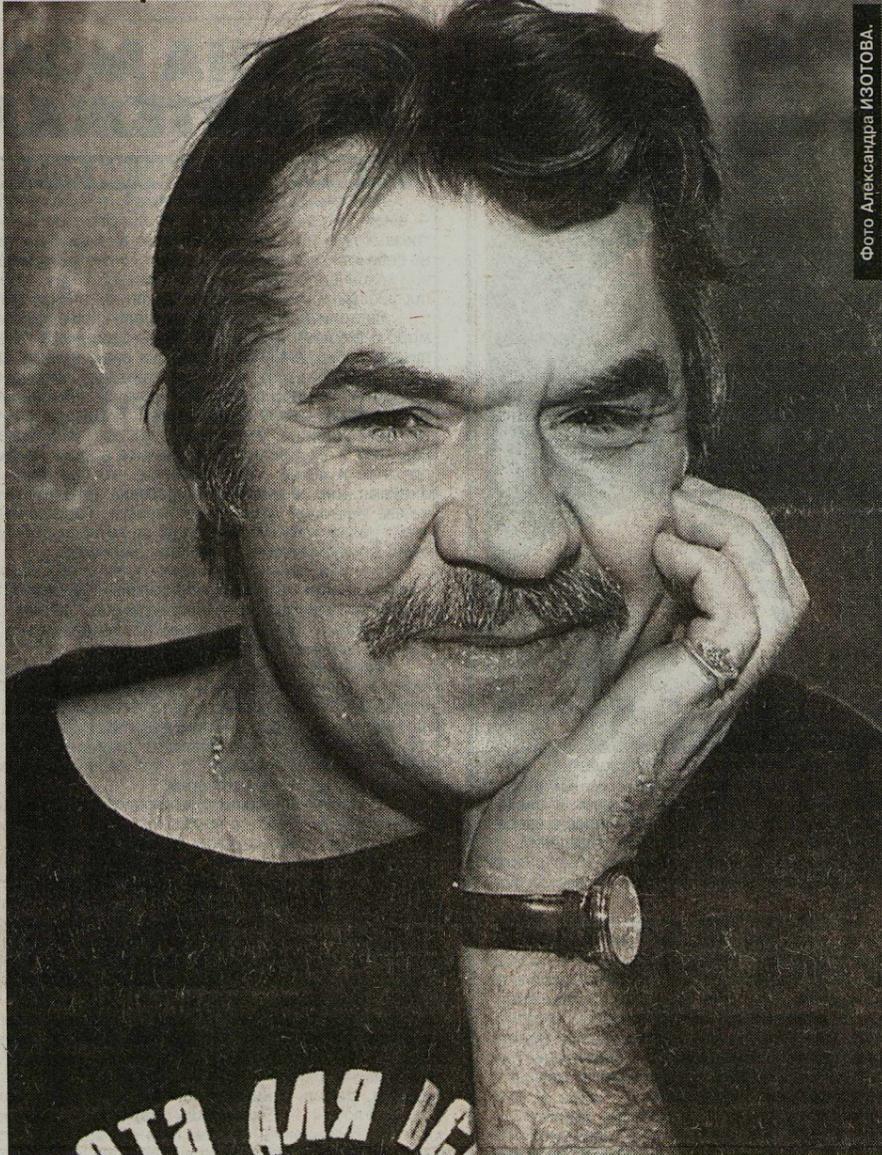

Фото Александра ИЗOTOBA.

— Он был невыездной. Володя долго выяснял — почему, в чем его вина. Потом — если я правильно помню — узнал через кого-то, что, будучи во Франции, он рассказал анекдот про Косыгина. Самое жуткое, что никто из наших чиновников даже не позвонил, не поздравил. А когда он выходил из дома, у подъезда его ждали толпы корреспондентов всех мыслимых зарубежных изданий. Еще бы — идет режиссер, который получил "Оскар"!
— Судьба вашего героя в этом фильме — спортсмена Гурина — это в общем-то судьба многих. И спортсменов, и актеров. Когда за ярким взлетом наступает безвременье. У вас бывали подобные срывы? (Он меняется в лице. — К. П.)

— Больше было слухов. Нет, я выпивал. Как все нормальные люди. Иногда выходил за черту дозволенного. Но не на работе. Когда снимали "Москва слезам не верит", там была сцена в баре. Режиссер хотел, чтоб я пил водку, но я настоял, чтобы принесли воду. И пил воду. Ведь если актер выпил, он пьяного уже не сыграет. Другая логика поведения — хочет того или нет, он все равно притворяется трезвым.

А вообще, я считаю, артист должен через все пройти. Все испытать и понять.

Карликовый абрикосовый пудель Чак отчаянно со мной заигрывает и рвется на колени. Хозяин строго изрекает: "Чак, футбол!" Животное реагирует неожиданно — тихо ложится рядышком. Видя мое недоумение, Фатюшин объясняет: "Он, когда молодой был, резвый, не давал спокойной футбол смотреть. Я один раз на него рывкнул: "Футбол!" Мол, отвали. С тех пор он эту команду знает".
У него очень доброе лицо. И какое-то без-

— Да, в спектаклях "Банкрот", "Кто боится Рея Брэдбери?"

— С женой легче играть, чем с обычной партнершей, или, наоборот, сложнее?

— Как только мы начинаем репетировать, у меня нет ощущения — жена. Она для меня партнерша. Как и все другие. И ни она ко мне не лезет с профессиональными разговорами, ни я к ней — для этого есть режиссер. Только он имеет право делать замечания. Домашняя режиссура только сбивает и уводит не в ту сторону.

— Считается, что если мужчина до тридцати пяти лет не женился, он, скорее всего, уже и не женится...

— У меня был один длительный роман. Кстати, может, и не женился так долго поэтому. Романтическая история. Я мог перед спектаклем проводить человека, посадить на поезд. Потом отыгрываю спектакль, мчусь в аэропорт, лечу на самолете и на месте встречаю поезд...

— А как раз в 35 я женился. Лена тоже училась у Гончарова, и в театре мы вместе работали. Здоровались — и все. Один раз вместе шли к метро, разговаривали. Это был наш первый длительный разговор. Потом еще дня два-три пообщались и подали заявление.

— ???
— Да, так очень быстро все произошло. Для всего театра это был шок. Обычно же все на виду, все знают, у кого с кем роман. А когда у нас с Леной все произошло — это было как гром среди ясного неба. Нас спрашивали: "Правда, что ль? Когда это?" Все действительно длилось дня три. В результате живем уже одиннадцать лет.

— Что же произошло за эти три дня?
— Мы этот вопрос даже не решали и не обсу-

...ТВОРЧЕСКИЕ

— Вам приходилось от чего-нибудь отказываться ради работы?

— Я вам расскажу один случай. Как я был свидетелем на свадьбе у Дасаева. Ринат меня предупредил за два с лишним месяца. Я заранее договорился в театре, чтоб мне не ставили спектакль. И вдруг меня спешно вводят в "Клима Самгина". Именно на то число. Короче, мне пришлось взять больничный. Свадьба проходит, все вроде бы нормально. Но доброжелатели-то всегда найдутся. Кто-то положил на стол Гончарову газету на английском языке, не поленились подчеркнуть флорастером, что на свадьбе были артисты Ромашин и Фатюшин. Но я же не мог иначе. Я Ринату сказал про спектакль, а он: "Ты предатель! Я ж тебя за два месяца предупредил. Нет, все что хочешь делай!"

Но обычно я никогда не срываю спектакли, честно говорю. Бывало, есть возможность уехать и заработать за один день ну о-чень хорошие деньги — в наше-то трудное финансовое время. Но я отказываюсь и играю.

— А как насчет "доброжелателей"? Каким бывает ответный шаг?

— Я просто переставлю человека замечать. Вот с друзьями какую-нибудь шкатулку придумать — это запросто. Я большой любитель этого дела. В спектакле "Родственники" мы с Костолевским играли одну из главных ролей в разных составах. Там есть сцена, когда герою говорят: "Возьмите подарок" — большие часы. Естественно, легкие. Но играется, что они тяжелые. Герой хочет их взять, не может оторвать и потом с огромным усилием поднимает. И вот на репетиции мне попались на глаза грузки.

Москва, кансамерцы, - 1997 - 20 марта - 6 в.